

Григорий Нисский

Об устройении человека

Св. Григорий Нисский (335–394 гг.), бывший епископ г. Ниссы внес весомый вклад в развитие христианской философии.

Святитель Григорий Нисский был пламенным защитником Православных догматов и ревностным учителем своей паствы; отличался великодушием, терпением и миролюбием.

Дожив до глубокой старости, святой Григорий Нисский мирно скончался, вскоре после Константинопольского Собора (после 394 г.). Вместе со своими великими современниками, святителями Василием Великим и Григорием Богословом, святитель Григорий Нисский оказал чрезвычайно значительное влияние на развитие церковной жизни.

Григорий Нисский

Об устройении человека

Посвящение

Брату, рабу Божию Петру, Григорий, епископ Нисский.

Если бы отличающихся добродетелью должно было вознаграждать Ценным имуществом, то целый мир, как говорит Соломон, оказался бы малым для того, чтобы стать равноценным твоей добродетели, потому что благодарность, подобающая твоей честности, выше цены богатства.

Но Святая Пасха требует обычного дара любви, который приносим высокой душе твоей, человек Божий, хотя он и меньше дара, какой следовало бы принести тебе по достоинству, но не скуднее дара, какой только в наших силах. Дар этот есть слово, подобное некоей убогой ризе, сотканной не без труда нашим умом. Хотя содержание слова многим, может быть, покажется смелым, однако же не сочтут его неприличным. Ибо Божие творение достойно уразумел один Василий, поистине созданный по Богу и душу свою по образу Сотворившего образовавший, общий наш отец и учитель, обозрением своим сделавший высокое устройство Вселенной для многих удобопонятным и с этим миром, который сотворен Богом по истинной премудрости, ознакомивший приведенных к созерцанию его мудростью. Но мы, будучи не в силах и удивляться ему по достоинству, вместе с тем задумали присовокупить то, чего не доставало в обозрении великого, не для того, чтобы своим подлогом опорочить его труд (ибо непозволительно оскорблять эти великие уста, приписывая им наши слова), но чтобы не подать мысли, будто слава учителя оскудела в его учениках. Так как в шестодневе недостает рассуждения о человеке, то, если бы никто из учеников его не приложил старания восполнить этот недостаток, это справедливо послужило бы поводом к упреку вопреки великой его славе, будто не хотел он образовать в слушателях какой-либо разумной способности. Теперь же, когда осмелились мы по мере сил изложить недостающее, если в труде нашем найдется нечто как бы не недостойное его учения, то, без сомнения, это будет отнесено к учителю. Если же слово наше не достигнет высоты его взгляда, то обвинение не падет на него и он избежит упрека, будто бы не хотел ученикам сообщить что-либо дельное, а мы справедливо окажемся повинными пред ищущими предлогов к упреку, как в тесноте сердца своего не вместившие мудрости наставника.

Не малоценна же предлежащая нам в обозрение цель, не уступает она первенства ни одному из чудес мира, а, может быть, и важнее всего нами познаваемого, потому что ни одно другое существо не уподобляется Богу, кроме этой твари — человека. Поэтому, что ни скажем, у благопризнательных слушателей за все готово уже нам извинение, если даже слово наше гораздо ниже достоинства. Ибо, говоря о человеке, думаю, не должно оставлять неисследованным и того, что, как веруем, было с ним прежде, и того, что, как ожидаем, будет еще впоследствии, и того, что усматриваем в нем ныне. Иначе старание наше окажется не соответствующим данному обещанию, если, когда предметом обозрения является человек, отложено будет в сторону что-либо относящееся к этому предмету. Да и что в человеке представляется противоречащим по несходству с бывшим в нем первоначально, тогда как теперь по какой-то необходимой последовательности считается естественным, надлежит по указанию Писания и по соображению, выведенному из умозаключения, согласовать так, чтобы все изложенное было в связи и порядке, все показывало, что и кажущееся противоречащим направлено к одной и той же цели, и Божие могущество находит надежду безнадежному и исход невозможному. Для легкости же признаю я лучшим предложить тебе слово, разделив на главы, чтобы содержание всего сочинения мог ты видеть кратко в содержаниях каждой отдельной части.

Глава первая

В которой заключается некое частное естествослово мира и более привлекательное изображение предшествовавшего бытию человека

Сия книга бытия небесе и земли, говорит Писание (Быт. 2, 4), когда совершилось все видимое и каждое из существ заняло отдельно свойственное ему положение, когда небесный свод кругом объял собою Вселенную, а в середине ее нашли себе место тела тяжелые и стремящиеся вниз — земля и вода, взаимно друг другом поддерживаемые. Некоторой же связью и скрепой сотворенного в естество существ вложены божественное искусство и божественная сила, этой двойной действительностью правящие Вселенную. Ибо покоем и движением сообщили они бытие несуществующему и продолжение бытия существующему вокруг того, что в неподвижном естестве тяжелое и непреложное, как бы вокруг какой неподвижной оси, приводя в самое быстрое движение полюс, вращающийся подобно колесу, соблюдая неразрушимость взаимно в том и

другом, потому что круговращаемая сущность скоростью движения плотность земли сжимает в нечто круговидное, а твердость и упорство непрременной неподвижностью непрерывно поддерживает движение вращающегося около нее. Действительностью же этих противоположностей — неподвижным естеством и не знающим покоя круговращением — производится в том и другом равный избыток, потому что и земля не прелгается с собственного своего основания, и небо не умаляет и не ослабляет стремительности движения. И что это прежде всего уготовано премудростью Сотворившего, как некое начало всего устройства существ, думаю, на это указуя, великий Моисей сказал: В начале сотвори Бог небо и землю (Быт. 1, 1), т. е. все явления в твари, порождаемые движением и покоем и приведенные в бытие по Божию изволению. Итак, поскольку небо и земля совершенно противоположны друг другу по противоположности их действий, то тварь, занимающая середину между противоположными, заимствуясь Частью от прилежащего, посредствует собою между крайностями, так что явным делается через эту среду взаимное соприкосновение противоположностей. Хотя и воздух легкостью естества и способностью к движению уподобляется несколько приснодвижности и легкости огненной сущности, однако же и не такой, чтобы ему быть чуждым родства с веществами плотными, как не пребывающий всегда неподвижным и не текущий, не рассеивающийся непрестанно, а, напротив того имея общие свойства с тем и другим, служит как бы взаимной какой границей противоположности действий, в себе самом смешивая вместе и разделяя то, что по естеству противоположно. По тому же закону и влажная сущность двоякими качествами связывается с каждым из противоположных естеств. Ибо тем, что тяжела и стремится вниз, она в великом родстве с естеством земным, а тем, что обладает какой-то орошающей и проникающей действительностью, не совсем отчуждена от естества движимого, но есть какое-то стечение и смешение противоположностей: тяжести, преложной в движение, и движения, не связанного тяжестью, так что и противоположное естеством друг другу на самых крайних пределах одно с другим соединено посредствующим. Лучше же, говоря точнее, само естество вещей противоположных по свойствам совсем недалеко от смешения с естеством других качеств, поэтому, думаю, все, являющееся в мире, одно к другому склонно, и тварь, оказывающаяся с противоположными свойствами, сама с собою согласна. Поскольку движение понимается не как одна перемена места, то усматривается оно и в превращении и в изменении; и опять естество непреложное не допускает движения в изменении, а потому премудрость Божия, заменив свойства одни другими, приснодвижное сделала непреложным, а неподвижное — превратным, устроив это, вероятно, по особой промыслительности, чтобы такие свойства естества, каковы непреложность и непреложность, оказавшись в одной из видимых тварей, не заставили и тварь эту признавать Богом. Ибо нельзя предполагать божества в том, что движимо или изменяемо. Поэтому-то земля, хотя стоит, но не чужда превратностей, а небо, напротив того, не являясь превратным, не имеет неподвижности, так как божественная сила, соединив с неподвижным естеством превратность, а с превратным — движимость, обменом свойств оба эти естества сроднила между собой; мысль же о божественности их сделала чуждой для них, потому что, как сказано, ничто подобное, т. е. и движимое и изменяемое, не признается за естество божественное.

Итак, все уже достигло своего конца. Ибо, как говорит Моисей, совершишася небо и земля (Быт. 2, 1) и все, что между ними, и это, отдельно взятое, украсилось соответствующей красотой: небо — лучезарностью светил, море и воздух — плавающими и летающими тварями, земля — разнообразием всякого рода растений и четвероногих. Все это произвели, из себя сразу в одно и то же время они по Божию изволению, получив на то силы; и земля наполнилась красот, произрастив вместе с цветом и плоды, наполнились луга всем, что видим на лугах, все утесы и горные вершины, всякий склон и всякая равнина, все, что во впадинах, увенчалось зазеленевшей травой и красивыми деревьями, едва только показавшимися из земли и сразу достигнувшими совершенной красоты. Возвеселилось же, вероятно, все, и разыграли созданные Божиим повелением животные, стадами и по родам бродящие по лесам; пением певчих птиц повсюду огласилось все, что было густо покрыто и осенено деревьями. Но вид моря, как следовало, был несколько иной: такой, что во множестве заливов море пребывало в тишине и покое, и, по Божию изволению, затишья и пристани, углубившись в берега сами собою, приучали море к суше и тихим движением волн спорили в красоте с лугами, между тем как легкие и безвредные ветерки на одной только поверхности производили приятную для взоров рябь. И все богатство твари готово было и на земле и на море, но не было еще того, кому пользоваться этим.

Глава вторая

Почему человек последний в творении

Так, человек — великая эта и досточестная тварь — не обитал еще в мире существ, потому что неестественно было начальнику явиться прежде подначальных, но после того, как уготовано сперва владение, следовало показать и царя. Поэтому, когда Творец Вселенной устроил имеющему царствовать как бы царский некий чертог, и это были сама земля, острова, море и наподобие крыши сведенное над ними небо,

тогда в царские эти чертоги собрано было всякого рода богатство; богатством же называю всю тварь, все растения и прозябения, все, что чувствует, дышит, имеет душу. Если же к богатству причислить надо и вещества, какие только по какой-либо доброцветности в глазах человеческих признаны драгоценными, например золото и серебро и те из этих камней, которые любезны людям, то обилие всего этого, как бы в неких царских сокровищницах, скрыв в недрах земли, потом уже показывает в мире будущего человека, заключающихся в нем чудес, частью зрителя, а частью владыку, чтобы при наслаждении приобрел он познание о Подателе, а по красоте и величию видимого исследовал неизреченное и превышающее разум могущество Сотворившего. Поэтому-то человек введен последним в творение — не потому, что, как нестоящий, отринут на самый конец, но потому, что вместе с началом бытия должен был стать царем подчиненных. Как добрый гостеприимец до приготовления снедей не вводит гостя к себе в дом, но, приготовив все благоприлично — убрав, какими следовало, украшениями дом, пиршественную горницу, трапезу, припасши уже пригодное для пищи, — принимает у себя сопиршественника, подобным образом богатый и щедрый Угоститель естества нашего, всякого рода красотами убрав жилище, уготовив этот великий и всем снабженный пир, потом уже вводит человека, вменив ему в занятие не приобретать то, чего еще нет, но наслаждаться тем, что уже есть. Поэтому в основание устройства полагает в нем сугубое начало, смешав с земным божественное, чтобы ради того и другого иметь ему наслаждение, какое сродно и свойственно тому и другому, наслаждаясь и Богом но естеству божественному, и земными благами но однородному с ними чувству.

Глава третья

О том, что человеческое естество досточестнее всякой видимой твари

Достойно же нашего обозрения и то, что, когда полагаемо было основание столь пространному миру и основным его частям, вошедшим в состав целого, творение совершалось как бы спешно, приводимое в бытие божественным могуществом, вдруг совокупно изрекаемым повелением. Устроению же человека предшествует совет, и Художником по начертанию слова предызображается будущее создание, и каково должно быть оно, и какого Первообраза подобие носить на себе, и для чего оно будет, и что произведет по сотворении, и над чем ему господствовать — все это предусматривает Слово, чтобы человек принял достоинство, которое выше его бытия, приобрел власть над существами прежде, нежели сам пришел в бытие. Ибо сказано: И рече Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию: и да обладает рыбами морскими, и зверми земными и птицами небесными, и скотами и всею землею (Быт. 1, 26). Какое чудо! Устраивается солнце, и никакого не предшествует совета, также и небо, хотя нет ничего ему равного в сотворенном, и такое чудо создается единым речением, о том же, из чего и как, и о чем-либо ином, этому подобном, не сказано ни слова. Так и все, взятое порознь, — эфир, звезды, наполняющий середину воздух, море, земля, животные, растения — все приводится в бытие словом. К одному только устроению человека Творец Вселенной приступает как бы с рассматрительностью, чтобы и вещество приуготовить для его состава, и образ его уподобить первообразной некоей красоте, и предназначить цель, для которой будет он существовать, и создать естество соответственное ему, приличное его деятельности, пригодное для предложенной цели.

Глава четвертая

О том, что устроение человека во всем дает видеть начальственную его власть

Как в этой жизни художники придают вид инструменту соответственно его функциям, так наилучший Художник создал паше естество как некий сосуд, пригодный для царственной деятельности, и по душевным преимуществам, и по самому телесному виду устроив его таким, каким нужно быть для царствования. Ибо душа прямо показывает в себе царственность, и возвышенность, и великую далекость от грубой низости тем самым, что она, не подчиняясь, свободно, полновластно располагает своими желаниями. А это кому иному свойственно, кроме царя? И сверх того сделаться образом Естества всеми владычествующего значит не что иное, как при самом создании немедленно стать естеством царственным. Ибо, как по человеческому обычаю приготавливающие изображения державных и черты лица снимают верно, и облачением в порфиру показывают царское достоинство, и изображение называется обыкновенно царем, так и человеческое естество, поскольку приуготовлялось для начальствования над другими по причине подобия Царю Вселенной, выставлялось как бы неким одушевленным изображением, то общее с Первообразом имело и достоинство и имя, но не в порфиру было облечено, не скипетром и диадемою показывало свой сан (этого нет и у Первообраза), а вместо багряницы облечено добродетелью, что царственнее всех одежд, вместо скипетра утверждено блаженством бессмертия, вместо царской диадемы украшено венцом правды, так что, в точности уподобляясь красоте Первообраза, всем доказывало царский свой сан.

Глава пятая

О том, что человек есть подобие Божией царственной власти

Божественная же красота не во внешних чертах, не в приятном складе лица и не какую-либо доброцветностью сияет, но усматривается в невыразимом блаженстве добродетели. Поэтому, как живописцы представляют на картине человеческие лица красками, стирая для этого таких цветов краски, которые близко и соответственно выражают подобие, чтобы красота подлинника в точности изобразилась в списке, так представь себе, что и наш Зиждитель как бы наложением некоторых красок, т. е. добродетелями, расцветил изображение до подобия с собственной Своей красотой, чтобы в нас показать собственное Свое начальство. Многовидны и различны эти как бы краски изображения, которыми живописуется истинный образ: это не румянец, не белизна, не какое-либо смешение этих цветов одного с другим; не черный какой-либо очерк, изображающий брови и глаза; не какое-либо сорастворение красок, оттеняющее углубленные черты, и не что-либо подобное всему тому, что искусственно произведено руками живописцев, по вместо всего этого — чистота, бесстрастие, блаженство, отчуждение от всего худого и все однородное с тем, чем изображается в человеке подобие Божеству. Такими цветами Творец собственного Своего образа живописал наше естество. Если же отыщешь и другие черты, которыми обозначается Божественная красота, то найдешь, что и подобие их в нашем образе сохраняется в точности.

Божество есть ум и Слово, ибо в начале бе Слово (Ин. 1, 1), и Пророки, по словам Павла, ум Христов имеют (1 Кор. 2, 16), глаголющий в них (2 Кор. 13, 3). Недалеко от этого и естество человеческое. Видишь в себе и слово и разум, подобие подлинного Ума и Слова. Бог есть также любовь и источник любви; об этом говорит великий Иоанн: Любы от Бога есть, и Бог любви есть (1 Ин. 4, 7–8). Это Зиждитель и нашего естества сделал отличительной чертой. Ибо говорит: О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Ин. 13, 35). Следовательно, где нет этой любви, там искажены все черты образа. Божество над всем назирает, все слышит, все испытует, и ты приобретаешь понятие о существах посредством зрения и слуха и имеешь разум, способный делать разыскания и исследования о существах.

Глава шестая

Исследование о родстве ума с Божественным естеством, где мимоходом обличается учение аномеев

Никто да не подумает, будто бы утверждаю, что Божество, подобно человеческому образу действия, различными силами постигает существа. Ибо в простоте Божества невозможно представлять себе различия и многовидности познавательной деятельности. И у нас нет каких-либо многих познавательных сил, хотя и многообразно постигаем чувствами то, что живет. Одна у нас сила — это вложенный в нас ум, обнаруживающийся в каждом из ощущений и объемлющий существа. Он посредством глаз видит явление, посредством слуха уразумевает сказанное, любит приятное и отвращается от того, что не доставляет удовольствия; действует рукою, как ему угодно, берет или отталкивает ею, как признает для себя полезным, пользуясь для этого содействием этого орудия. Поэтому если у человека, хотя и различны орудия, устроенные природою для чувства, но во всех один действующий, всем движущий и пользующийся каждым орудием сообразно с предложенною целью, и он различием в образе действий не изменяет естества, то возможно ли полагать в Боге при многообразных силах многозначность сущности. Ибо, как говорит Пророк, Создавши око, и насаждай ухо (Пс. 93, 9), эти деятельности как бы отличительные некоторые черты в образец того, что в Нем Самом, напечатлел в природе человека. Он говорит: Сотворим человека по образу Нашему (Быт. 1, 26).

Но где же у нас ересь аномеев? Что скажут они на такое изречение? Как после сказанного спасут пустоту своего учения? Скажут ли, что возможно одному образу уподобляться различным лицам? Если Сын не подобен Отцу по естеству, то как устраивает один образ различных естеств. Сказавший Сотворим человека по образу Нашему и множественным числом обозначивший Святую Троицу не упомянул бы об образе в числе единственном, если бы Первообразы были не подобны один другому, потому что тем, которые несходны друг с другом, невозможно показать себя в одном подобии. Напротив того, если различны были естества, то, без сомнения, составили бы и различные образы, создав соответственный естеству образ. Но, поскольку, хотя образ один, Первообраз же образа не один, кто будет столько неразумен, чтобы не признать Первообразов одного другому подобными и непременно между собою сходными. Поэтому-то, может быть, Слово при самом устройении человеческой жизни, отсекая эту злую мысль, говорит: Сотворим человека по образу и по подобию Нашему.

Глава седьмая

Почему человек лишен природой оружия и покровов

Но что значит эта прямизна стана? Почему телу не прирождены силы, служащие к охранению жизни? Напротив того, человек вводится в мир лишенным естественных прикрытий, каким-то безоружным и бедным, имеющим нужду во всем потребном для жизни, достойным, по-видимому, более сожаления, нежели ублажения. Не имеет ни рогов для защиты, ни острых когтей, ни копыт, ни зубов, ни какого-либо жала, от природы снабженного смертоносным ядом, чем обладают многие животные для защиты от оскорбляющих, и не покрыто у него тело волосяной оболочкой, хотя поставленному начальствовать над другими надлежало от природы быть огражденным собственными своими оружиями, чтобы для собственной своей безопасности не иметь нужды в помощи других. А теперь лев, вепрь, тигр, барс и другие подобные животные от природы имеют достаточную силу для своего спасения. И волу рога, и зайцу скорость, и серне легкий скачок и зоркость глаз, иному какому-либо животному величина, другим хобот, птицам крылья, пчеле жало и всем непременно дается, как обычно, природою что-либо для их спасения. Один только человек всех быстроногих медлительнее, великорослых ниже обезопасенных прирожденными оружиями беззащитнее.

Как же, спросит иной, такому дано в удел начальство над всеми? Но нетрудным считаю доказать, что видимая недостаточность нашего естества и служит предлогом к обладанию над подчиненными. Если бы у человека столько было силы, что скоростью перегонял бы он коня, не стирал ничем жестким ног, защищенных какими-либо орудиями или копытами, имел у себя рога, жало, когти, то, во-первых, при таких прирожденных телу его отличиях был бы он каким-то зверским и неприступным, а потом пренебрегал бы начальством над другими, нисколько не нуждаясь в содействии подчиненных. Теперь же для того именно жизненные потребности разделены на каждого из подчиненных нам, чтобы начальство над ними сделать для нас необходимым. Медлительность и неудободвижимость тела ввели в потребность и обуздали коня; нагота плоти сделала необходимою попечительность об овцах, которая ежегодной данью шерсти с них восполняет недостаток нашего естества. Нужда привозить к нам припасы для жизни из других стран запрягла вьючных животных для таких услуг. Невозможность, подобно прочим животным, питаться травой сделала вола подручным нам в жизни, который трудами своими облегчает нам жизнь. Поскольку же для борьбы с каким-либо из других животных, наносящих нам вред зубами, потребно было иметь зубы и грызться, то пес в нашу потребность вместе со скоростью предоставил собственный свой род, став для человека как бы одушевленным мечом. А, что крепче ограды рогов, пронзительнее остроты когтей, то придумано людьми. Это железо, которое не всегда при нас, как рога и когти у зверей, но, оказав временную помощь нам в борьбе, остается потом само по себе. И вместо крокодиловой чешуи можно и человеку сделать из нее оружие, на время прикрывшись этой кожей. Если же нет ее, то искусством обращается в нее и железо, которое, оказав временную услугу на войне, свободным от бремени оставляет воина в мирное время. Услуживают нам в жизни и крылья птиц так, что по примышлению своему не уступаем в скорости пернатым. Одни из них делаются ручными и помогают ловцам, другие же умышленно привлекаются на наши потребности. А искусство, по примышлению своему сделав стрелы нашими крылатыми, для наших потребностей посредством лука доставляет нам скорость пернатых. И то, что ступни наши во время шествия терпят боль и стираются, сделало необходимым употреблять в пособие то, что поручено нам. Ибо из этого можем готовить удобную для ног обувь.

Глава восьмая

Почему у человека прямой стан, и о том, что руки даны для слова, а вместе и учение любомудрия о различии душ

У человека стан прямой, лицо обращено к небу, и смотрит он горе, а этим означает его право начальствовать и царское достоинство. Ибо то самое, что из живых существ таков один только человек, у всех же прочих тела поникли долу, ясно доказывает различие в достоинстве преклонившихся пред владычеством возвысившейся над ними власти. У всех прочих передние члены суть ноги, потому что согбенное имеет нужду в опоре. А в устройстве человека члены эти стали руками. Ибо в потребность прямому стану достаточно было одного основания, так как и двумя ногами безопасно подпирается он во время стояния. Сверх того содействие рук помогает и потребности слова. И кто услугу рук назовет особенностью словесного естества, тот не совсем погрешит. Обращаясь умом, не только к этой общей и с первого взгляда представляющейся мысли, что при даровитости рук, означаем мы слово письменами (ибо не чуждо в нас словесного дара и это — говорить посредством письмен и некоторым образом беседовать рукою, сохраняя звуки в буквенных очертаниях), но имея в виду и другое, утверждаю, что руки содействуют произнесению слова.

Лучше же сказать, прежде, нежели начнем исследование об этом, обратим внимание на сказанное выше,